

Л. Р. ЗИНДЕР. Т. В. СТРОЕВА.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА · 1957

Л. Р. ЗИНДЕР и Т. В. СТРОЕВА

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
КУРС

3-е переработанное издание

*Д о п у щ е н о
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебника
для педагогических институтов
и факультетов иностранных языков*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В настоящем издании, как и в предшествующих, книга предназначена в первую очередь для студентов-германистов; наряду с этим авторы имели в виду и нужды преподавателей немецкого языка как высшей, так и средней школы.

Поскольку со времени выхода в свет 2-го издания книги минуло 15 лет, за которые советское языкознание прошло большой и плодотворный путь развития, книга подверглась коренной переработке. При этом авторы особенно стремились к усилению теоретической ее стороны, стараясь учесть лучшие достижения советской лингвистики. При переработке были использованы как опубликованные труды, так и некоторое количество рукописных работ: диссертаций и студенческих научных работ.

Книга в основном сохраняет прежнюю структуру. Сокращена и переработана глава о фонетике в сторону сближения ее с грамматикой. Значительно расширена первая глава, рассматривающая общие вопросы теории грамматики. Расширены также разделы, трактующие общие вопросы синтаксиса простого предложения. Коренным образом переработаны разделы об артикле, о наклонении, о сложноподчиненном предложении, глава по лексикологии и др. При переработке был пересмотрен ряд положений, высказанных в предыдущих изданиях и не отвечающих нынешним взглядам авторов.

Настоящее издание отличается от предыдущих еще и тем, что в него включены материалы из произведений прогрессивных писателей современной Германии.

А в т о р ы

ВВЕДЕ

в своей назывной функции, они воспринимаются как именительный, а не какой-нибудь другой падеж, как слова мужского (женского) рода единственного числа.

Связь грамматического и лексического в языке выражается также и в том, что определенные слова в силу их лексического значения ограничены в употреблении в тех или иных грамматических формах. Так, например, глагол *sterben*, естественно, мало употребителен в форме 1-го лица (ср. однако § 12).

§ 4. Несмотря на наличие тесной связи между лексикой и грамматическим строем, благодаря которой эти два аспекта языка представляют собой неразрывное единство, между ними все же существует глубокое принципиальное различие.

Слова в языке обозначают понятия о предметах и явлениях окружающей людей реальной действительности в ее конкретном многообразии. Чем развитее человеческое общество, чем богаче опыт людей и чем глубже познание ими действительности, тем богаче и словарный состав языка. Поэтому для языка столь характерен уже хотя бы чисто количественный рост его словаря.

Смысл и назначение грамматического строя не в обозначении отдельных понятий, а в отражении отношений между предметами и явлениями реальной действительности. Чем глубже проникновение в сущность этих отношений, чем развитее мышление, тем четче, тоньше и точнее грамматические средства языка.

§ 5. Отражая отношения, а не каждое конкретное явление в отдельности, грамматический строй является результатом сложной абстрагирующей работы человеческого мышления. С лингвистической точки зрения смысл грамматического строя заключается в полном отвлечении от того лексического материала, который он организует. Предложения типа *Der Knabe schreibt*, *Die Sonne scheint*, *Die Produktion wächst* совершенно различны по содержанию сообщаемых в них фактов, и поэтому лексический состав их совершенно различен. Отношения же, выражаемые этими предложениями, полностью адекватны и поэтому в грамматическом отношении они ничем не различаются.

В языке мы сталкиваемся, правда, с фактами, как будто противоречащими тезису о полной отвлеченности грамматических правил от конкретных слов. С этой точки зрения непонятно, например, такое явление как существование разных типов склонения, по крайней мере для слов одного грамматического рода. Совершенно очевидно, что грамматически для современного немецкого языка различное склонение слов *Mann* и *Mensch* не имеет оправдания. Однако это различие имеет свою причину, кроющуюся в далекой истории германских языков. Как об этом свидетельствует сравнительная грамматика германских языков, исконно падежные окончания были одинаковыми, различались же разные группы имен существительных по основообразующему суффиксу, т. е. по словообразовательному элементу. Слияние этого осново-

образующего элемента с окончанием и привело в конечном счете к разнoboю в склонении (ср. § 138).

§ 6. Смешение лексики и грамматики фактически приводит к искаженному представлению о грамматическом строе языка. Так, дополнение в дательном падеже при глаголах типа *geben*, *sagen*, с одной стороны, и *danken*, *gratulieren* — с другой, могло бы рассматриваться с этой точки зрения как два различных вида дополнения (косвенное в первом случае и прямое во втором), несмотря на единство грамматической формы. Основанием для такого различия служило бы только различие в лексических значениях соответствующих слов. Можно пойти и еще дальше и рассматривать прямое дополнение при глаголе *sehen* как особый тип дополнения, отличный от дополнения, например при *greifen*, потому что если вдуматься в вещественное значение глагола *sehen*, то ясно, что дополнение при нем выражает не объект, на который распространяется действие субъекта, а источник воздействия на органы зрения субъекта. Очевидно, что такой подход совершенно снимает понятие грамматического строя.

Смешение лексического и грамматического в языке неизбежно ведет к игнорированию грамматической формы. Объявляется безразличным то обстоятельство, чем выражено данное смысловое содержание в языке — специальными грамматическими средствами (аффиксами, внутренней флексией и т. п.) или самостоятельными словами. Исходя из наличия в немецком языке таких слов, как *immer*, *gewöhnlich*, *auf einmal* и т. п. или конструкций с глаголами *pflügen*, *beginnen* и т. п., которыми можно охарактеризовать действие, выраженное глаголом, как длящееся, повторяющееся, начинающееся и т. п., можно настаивать на выделении в немецком языке длительного, многократного, начательного вида. Наличие в немецком языке модальных слов, как, например, *wahrscheinlich*, *vielleicht*, *sicher* и др., создаст целую гамму грамматических наклонений, число которых будет неограничено.

Между тем, совершенно ясно, что существует глубокая принципиальная разница между строем такого языка, который в случае необходимости характеризует действие при помощи особого слова, и таким языком, в котором такая характеристика обязательно заложена в формах самого глагола. Если не учитывать этого, то все языки мира могут показаться одинаковыми по строю, и этим полностью затушевывается вопрос о национальной самобытности грамматических законов различных языков. А вместе с тем даже близко родственные языки, как, например, немецкий и голландский, обладают рядом черт и законов, присущих только одному из них и не свойственных другому. Выявление этих характерных особенностей и специфических законов и является одной из важных задач всякого грамматического описания языка.

§ 7. В состав грамматики как научной дисциплины входит морфология, т. е. учение об образовании и измене-

нии слов, и синтаксис, т. е. учение о сочетании слов в предложении и о сочетании предложений между собой.

Фонетика, занимающаяся изучением звуковой стороны языка, представляет собой самостоятельную дисциплину. Вместе с тем фонетика как составная часть языка теснейшим образом связана с грамматическим строем языка. Эта связь выражается прежде всего в том, что звуковая сторона является обязательной формой существования языка, без которой не может найти своего материального воплощения грамматический строй. Эта связь, кроме того, заключается в том, что определенные фонетические закономерности используются для выражения грамматических отношений. Примером могут служить различные фонетические чередования, как, например, умлаут в образовании множественного числа, конъюнктива и других грамматических форм (см. § 54), или аблаут в образовании форм глагола (см. § 56), или интонация в членении предложения (см. § 69 и сл.) и т. п.

Именно вследствие указанных связей в книги по грамматике обычно включается раздел фонетики, без которого было бы затруднительно изложить ряд грамматических явлений, подобных вышеперечисленным.

§ 8. Морфология и синтаксис образуют единое целое, поскольку грамматический строй служит для осуществления основной функции языка — быть средством общения. Для того, чтобы мысль могла быть сообщена от одного человека другому, она оформляется в предложении определенными сочетаниями слов (синтаксис); в сочетания слова вступают в свою очередь в той или иной форме (морфология). В предложении: *Im Herbst fliegen gelbe Blätter in der Luft herum* предикативная связь между *Blätter* и *fliegen* осуществляется благодаря тому, что *Blätter* (подлежащее) стоит в форме именительного падежа, а *fliegen* (сказуемое) согласуется с подлежащим в лице и числе. Атрибутивная связь между *Blätter* и *gelbe* осуществляется благодаря согласованию этих слов в числе и падеже, что выражается соответствующими окончаниями.

§ 9. Представляя собой неразрывное единство, морфология и синтаксис все же являются вполне самостоятельными разделами, обладающими специфическими чертами. В этом можно убедиться на анализе такой грамматической категории, как падеж. Неоспоримо, что выбор того или иного падежа зависит от синтаксических связей в предложении, определяемых содержанием высказывания. В предложении: *Der Student erhält ein Buch in der Bibliothek* слово *Student* стоит в именительном падеже, потому что оно является подлежащим, а не потому оно сделалось подлежащим, что имеет форму именительного падежа. Падежи существуют для того, чтобы выражать связи между словами в предложении. Однако число падежей, существующих

в том или ином языке, не говоря уже о формальных их признаках, никак не зависит от их синтаксической функции. Если бы это было не так, число падежей в языке всегда соответствовало бы по меньшей мере числу членов предложения и мы имели бы падеж «подлежащий», «сказуемый», «определятельный» и т. д. Между тем при наличии одного и того же количества членов предложения в русском и немецком языках число падежей в них различно и такие противопологающиеся друг другу члены предложения, как подлежащее и сказуемое, могут выражаться в немецком языке (как и в русском) одним и тем же именительным падежом, ср. *Sein Leben war ein Kampf*.

Такое несоответствие между падежной системой и синтаксическими функциями падежей свидетельствует о самостоятельности морфологии и синтаксиса. То или иное число падежей является историческим результатом чисто морфологического развития.

§ 10. Другим важным вопросом общей теории грамматики является вопрос о соотношении грамматической формы и грамматического значения.

Грамматическое значение не существует вне грамматической формы, равно как и грамматическая форма всегда связана с каким-либо грамматическим значением. В последнем заключено выражение отношений между понятиями, отражающими явления реального мира. Так, родительный падеж имени существительного *des Pferdes* передает в словосочетании *der Kopf des Pferdes* отношение атрибутивности (в данном случае принадлежности) между понятием *Kopf* и понятием *Pferd*. В предложении *Er bediente sich eines Wörterbuchs* этот же родительный падеж отражает объектное отношение, существующее между *er* и *Wörterbuch*.

Выражение отношения может стать грамматическим значением только в том случае, если оно облечено в данном языке в определенную форму. Так, в немецком языке отношение атрибутивности (принадлежности) в сочетаниях *der Kopf des Mädchens* и *das Kleid des Mädchens* имеет разное реальное содержание, выражая различные связи в объективной действительности: голова (*Kopf*) является неотъемлемой частью девочки (*Mädchen*), а платье (*Kleid*) лишь принадлежит ей или надето на нее. Однако это в немецком языке не создает разных грамматических значений и именно потому, что в нем не существует специальных грамматических форм, которые могли бы дифференцировать эти значения. А что это возможно, доказывают, например, тунгусо-манчжурские языки, в которых отношения так наз. отчуждаемой и неотчуждаемой собственности грамматически различаются.

Сказанное находится как будто бы в противоречии с вышеприведенными примерами, где мы говорили о двух грамматических значениях (атрибутивности и объектности) при отсутствии фор-

мального различия между ними (ср. выше, *des Pferdes* и *des Wörterbuchs*). Однако противоречие это окажется мнимым, если учесть, что языковая форма заключена не только в форме слова (флексия **-(e)s**), но и в форме словосочетания. Порядок слов может выполнять функцию грамматической характеристики: примыкание имени существительного в родительном падеже к другому существительному придает ему грамматическое значение определительности (*der Kopf des Pferdes*). Отсутствие примыкания во втором примере (*er bediente sich des Wörterbuchs*) говорит о другом грамматическом значении.

§ 11. Несмотря на различие грамматических значений, мы в обоих случаях (*des Pferdes* и *des Wörterbuchs*) имеем дело с одним и тем же родительным падежом. Это заставляет различать в грамматике грамматическое значение и грамматическую категорию, которая обобщает различные отношения между понятиями, выражаемые строго определенной системой грамматических форм.

В понятие грамматической категории обязательно входит момент противопоставления внутри нее разных видов или разрядов (по меньшей мере двух). Так, грамматическая категория числа существует только в тех языках, в которых существует несколько чисел; категория падежа имеется только там, где есть противопоставление по крайней мере двух падежей. Таким образом, грамматическая категория может обобщать несколько грамматических значений.

Эти разряды внутри грамматической категории обычно называют частными грамматическими категориями, а самую грамматическую категорию общей грамматической категорией. Так, различают категорию падежа вообще и частные грамматические категории, например, родительного, дательного и др. падежей, общую грамматическую категорию времени вообще и частные грамматические категории настоящего, будущего времени и т. п.

В дальнейшем изложении мы будем использовать термин «грамматическая категория» только для обозначения так наз. общей грамматической категории; что же касается ее подразделений, то они будут называться разрядами или видами ее.

Грамматическая категория, например, категория падежа, выражая отношения между словами в предложении, имеет наиболее абстрагированный, обобщенный характер, тогда как разряды ее, отдельные падежи, уже не выражают отношения вообще, а имеют менее обобщенное грамматическое значение. Они выражают какое-то определенное (одно или несколько) значений. Так, например, именительный падеж может обозначать в немецком языке и подлежащее и сказуемое.

Грамматическая категория и ее разряды могут быть совсем лишены грамматического значения и носить чисто формальный характер. Это может иметь место, очевидно, тогда, когда данная

категория является пережиточной. Примером такой категории может служить грамматическая категория рода как в русском, так и в немецком языках, поскольку с нею не связывается в современном языке никакое отношение реальной действительности.

Следует заметить, что грамматическая категория рода имени существительного отличается вообще известным своеобразием. Если разряды других грамматических категорий, как, например, числа, падежа в имени или времени, лица в глаголе противопоставляются друг другу в пределах одного слова, напр.: *Freund — Freundes, nehme — nimmst* и т. п., то категория рода разделяет весь состав имен существительных на разряды. Каждое данное имя существительное относится к одному какому-нибудь роду. В отличие от этого в имени прилагательном родовые формы дифференцированы в пределах одного слова, напр.: *langer, langes, lange*.

Таким образом, категория рода имен существительных имеет классификационный характер. Сходное явление можно было бы усмотреть в разделении глаголов на переходные и непереходные, а также на предельные и непредельные, поскольку и тут имеет место разделение глаголов на два разных в грамматическом отношении разряда (ср. § 183 и 184). Сказанное можно было бы распространить и на деление прилагательных на качественные и относительные (ср. § 85).

§ 12. В грамматической категории с наибольшей очевидностью выявляется отвлеченность грамматики от конкретных лексических значений слов. Это выражается в том, что грамматической категорией охватываются все без исключения слова, входящие в состав данной части речи. Так, любое существительное в любом предложении немецкого языка стоит в каком-нибудь падеже, в каком-нибудь числе и т. д. Любой глагол выступает в речи в каком-нибудь времени, наклонении и т. д.

Исключение могут представить только чисто формальные грамматические категории (см. предыдущ. параграф). Так, грамматическая категория рода в немецком языке не может быть выявлена в словах, не имеющих единственного числа, так как в немецком языке имена существительные не имеют специальных формантов, обозначающих тот или иной род. Формой выявления этой категории является согласование (с артиклем, местоимением или прилагательным) в единственном числе. Отсутствие этого последнего делает невозможным выражение грамматического рода, а отсутствие в этой категории грамматического значения делает невозможным определение рода иным путем. Такие слова, как *die Eltern, die Ferien* рода не имеют.

В отличие от грамматической категории, ее разряд охватывает все слова, принадлежащие к данной части речи, лишь потенциально. То или иное слово или ряд слов могут не иметь того или иного разряда; например, *pluralia tantum — Eltern, Ferien* и др., упомянутые выше, не имеют разряда единственного числа.

Если *pluralia tantum* никогда не выступают в единственном числе и действительно не могут его иметь, то о других словах можно лишь сказать, что они обычно не встречаются в форме того или иного разряда. Так, не всякое имя существительное образует форму множественного числа (напр., *Gold*) и не всякое имя прилагательное, даже качественное, способно образовать степень сравнения (напр., *tot*). Однако это говорит лишь о неупотребительности данных форм в силу того, что вещество, обозначаемое словом *Gold*, мыслится всегда как нечто единое, не связанное со счетом; аналогично качество, выраженное словом *tot*, мыслится как абсолютное. Это, однако, не означает грамматической невозможности образовать множественное число от *Gold* (это звучало бы *die Golde*) или сравнительную степень от *tot* (*toter*). Несомненно, что если бы возникла необходимость обозначать разные виды золота, то стало бы употребляться множественное число от слова *Gold*, образованное по грамматическим правилам и образцам немецкого языка, как это имеет место в таких вещественных существительных, как *das Salz* — *die Salze* или *der Stahl* — *die Stähle*. Точно также сравнительная степень от имени прилагательного *tot* вполне может быть употреблена в определенной речевой ситуации, что мы и находим, например, в романе А. Seghers „*Das siebte Kreuz*“: *Wenn es wahr ist, daß Sie aus Leichen Aussagen erpressen können, ich bin toter als alle Ihre Toten*.

§ 13. Как указывалось, грамматическая категория выражается системой форм. Даже разряд грамматической категории, например, родительный падеж или настоящее время выражается в немецком языке не с помощью одной формы, а с помощью целого ряда их: ср., например, род. п. ед. числа: *des Mannes, des Knaben, des Herzens* и *der Frau*.

Настоящее время (3-е л. ед. числа): *er geht* (от *gehen*), *er sieht* (от *sehen*), *er schläft* (от *schlafen*), *er kann* (от *können*).

Единство данного разряда грамматической категории определяется совпадением между системой характеризующих его форм и совокупностью выражаемых ими грамматических значений. При разнообразии грамматических форм множественного числа имени существительного (ср., например, *die Tische, die Türen, die Gläser* и т. п.) все эти формы выражают единое грамматическое значение множественности и представляют собой поэтому один грамматический разряд множественного числа. Перечисленные выше формы родительного падежа объединяются в единый разряд тем, что каждая из них способна выражать одни и те же значения. Какую бы форму ни имел здесь родительный падеж имени существительного, он в равной степени может быть употреблен и в атрибутивной и в объектной функции. Разница в этих формах ни в коем слу-

чае не может быть использована в немецком языке для различения указанных функций.

Из всего изложенного выше вытекает, что понятия «разряд грамматической категории» и «грамматическая форма» не совпадают. Наличие разных грамматических форм не обуславливает еще наличия разных грамматических разрядов. Вместе с тем отсутствие формальных различий делает невозможным наличие разных грамматических разрядов. Так, несмотря на то, что немецкий конъюнктив обнаруживает ясно различающиеся значения желательности и возможности, отсутствие грамматических форм, которые четко дифференцировали бы эти значения, мешает разделению этого наклонения на два — оптативное и потенциальное.

§ 14. Формальным выражением грамматической категории, существующей обязательно в виде нескольких разрядов, будет, таким образом, совокупность форм, служащих для выражения этих разрядов.

Необходимо отметить, что иногда грамматическая категория не находит непосредственного формального выражения, а выражается опосредствованно. Примером может служить категория рода имени существительного, которая в русском и немецком языках выражается через согласование с определяющим словом, а в немецком языке и через артикль (ср. *rotes Tuch*, *roter Wein*, *der Wein*). Другой случай представляет собой категория одушевленности в русском языке, получающая выражение в разных формах винительного падежа (ср. *Я вижу стол* и *Я вижу студента*).

Форманты, служащие для обозначения разных грамматических категорий, могут иногда совпасть. Такого рода совпадение является ничем иным, как грамматической омонимией. Такая омонимия может встречаться и в совершенно разных несоприкасающихся грамматических формах, например, в имени и глаголе, ср. **-е** как признак множественного числа в *Tische*, и **-е** в первом лице единственного числа настоящего времени: *singe*. Омонимия может далее иметь место и в одном слове, но при обозначении совершенно разных грамматических категорий, ср. **-er** как признак именительного падежа имени прилагательного мужского рода — *rascher*, и **-er** в сравнительной степени того же прилагательного — *rascher*. Наконец, мы встречаем омонимию грамматических форм в одном слове при обозначении разрядов грамматических категорий: ср., например, совпадающие формы именительного и винительного падежей: им. п. *Tag*-, вин. п. *Tag*- (см. также § 95).

§ 15. Грамматика как научная дисциплина может преследовать разные задачи и соответственно этому может строиться как грамматика теоретическая или практическая, хотя обе имеют один и тот же предмет — грамматический строй языка.

Практическая или нормативная грамматика отличается от теоретической целым рядом особенностей: она прежде всего излагает систему норм, признаваемых в данный момент правильными; она дает далее простой свод правил и исключений, не вдаваясь в теоретическое осмысление первых и в объяснение вторых. Она служит, таким образом, лишь для практического овладения языком. Теоретическая же грамматика стремится осмыслить действующие в строе данного языка внутренние законы, ставит на обсуждение дискуссионные вопросы теории языка и т. п. Излагая системы норм языка данного периода, она вместе с тем показывает и вскрывает причины возникновения многочисленных отклонений от нормы, создающихся в процессе речевого общения. Теоретическая грамматика представляет нормы не как раз навсегда данные, строго предписанные правила, а как нечто развивающееся, присущее системе языка.

Язык данной эпохи является продуктом длительного исторического развития и в нем можно обнаружить ряд пережитков прежних закономерностей, рождение новых и борьбу прогрессивных и отживающих тенденций. Простая регистрация фактов современного языка, хотя и необходимая, простая констатация того, что правильно или употребительно, как это делает практическая грамматика, не может дать представления о направлении и смысле языкового развития. Чтобы вскрыть динамику языка, теоретическая грамматика представляет явления в известной перспективе, указывая степень их распространенности, сферу употребления и связь с другими родственными языковыми явлениями.

§ 16. Теоретическая грамматика является основой для грамматики практической или нормативной. Создание нормативной грамматики является очень ответственной и сложной научной задачей, поскольку в ней из разнообразия соперничающих явлений отбирается одно, как «правильное». Чтобы такой отбор соответствовал действительно объективному положению вещей, необходимо верное и ясное понимание того, что является в языке в данный период прогрессивным, развивающимся, а что не развивается и отживает. Исследованием этих вопросов и занимается, как указывалось выше, теоретическая грамматика.

Как, например, нормативной грамматике русского языка при наличии параллельных форм множественного числа слов мужского рода на **-ы(и)** и на **-а** (*цехá* — *цѣхи*, *профессорá* — *профѣссоры*) решить вопрос о том, какое употребление признать нормой? Теоретическая грамматика русского языка показывает, что прогрессивной, все более распространяющейся формой множественного числа, является форма на **-а** (ср. старое *дѣмы* и современное *домá*). Поэтому неправильно поступила бы та нормативная грамматика, которая бы предписывала формы *цѣхи* и *профѣссоры*. Такая попытка задержать продвижение объективного закона, прокладываю-

щего себе дорогу, была бы, пожалуй, попыт *sandte* и *sendete*, средствами. Поэтому нормативная академическая при наличии пашского языка, исходя из объективных законов строя русского языка, дает параллельно *цѣхи* и *цехá* и как единственную норму — *профессора*.

Как нормативной грамматике немецкого языка при наличии параллельных форм образования прошедшего времени глаголов типа *wenden*, *senden*, а именно: *wandte* и *wendete*, *sandte* и *sendete*, решить вопрос, какая из них правильная, и нужно ли преследовать формы *wendete* и *sendete* как неправильные? Теоретическая грамматика немецкого языка показывает, что формы с так наз. рюк-умлаутом, к которым принадлежат *wandte*, *sandte*, в процессе исторического развития постепенно отживают (ср.: *sterken* — *starkte* и совр.: *stärken* — *stärkte* и т. п.; см. § 180). Следовательно, распространяющиеся в современном языке формы *wendete*, *sendete* должны быть признаны возможными наряду со старыми правильными формами.

§ 17. Нормативная, как и теоретическая грамматика, имеет своим предметом грамматический строй современного языка. Наряду с этим существует историческая грамматика, исследующая процесс складывания и развития грамматического строя языка с древнейших времен и до наших дней. Это, однако, не означает того, что теоретическая грамматика современного языка, или, как ее неудачно называют, описательная грамматика, может быть построена без учета истории грамматических категорий или отдельных явлений.

Глава так наз. «социологической школы» Ф. де Соссюр, имеющий большое число последователей в новейшем буржуазном зарубежном языкознании (структуралисты), требовал строгого разграничения исторической и, как он называл, «статической» лингвистики. Это требование он обосновывает тем, что «речь оперирует, базируясь лишь на данном состоянии языка, и в ней нет места изменениям, происходящим в промежутках между одним состоянием и другим»¹. Ошибочность именно этого утверждения определяет собой ошибочность и тезиса о необходимости разрывать синхроническую и диахроническую лингвистику. В этом утверждении сквозит понимание системы языка как статической, неподвижной структуры, а между тем в каждый данный момент язык представляет собой вовсе не неподвижную структуру, а систему, находящуюся в движении, в диалектическом развитии. Одни явления возникают, другие отмирают, различные явления конкурируют между собой. Отношения внутри системы языка могут быть осмыслены зачастую лишь при учете всего исторического развития в целом. В виде примера может служить использование умлаута в качестве признака множественного числа при суффиксе *-e*. Отсутствие такого умлаута в су-

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933, стр. 95.

существительных среднего рода типа Naar — Naare имеет свое объяснение только в том, что существительные среднего рода в немецком языке никогда не имели в составе слова основообразующего элемента **-i**, являющегося, как известно, причиной умлаута коренного гласного (см. § 55). Только исторически могут быть поняты исключения из грамматических правил, которые раскрываются как пережитки закономерностей прежних периодов или как зарождающиеся тенденции, еще не вошедшие в норму. Так, «неправильное» с точки зрения современного языка спряжение *stehen* и *gehen* находит себе объяснение при анализе его истории (см. § 49). Только исторически могут быть осмыслены такие непонятные с современной точки зрения формы, как *hülfe*, *begönne* и т. п. (см. § 240).

Исторический подход помогает далее понять пути развития того или иного явления в современном языке. Так, история суффиксов, вскрывающая их происхождение из самостоятельных слов, например, **-lich**, **-tum** (см. § 284), облегчает понимание таких новообразующихся суффиксов, как **-los**, **-zeug**, **-mann** (см. § 254). Таким образом, исторический подход сообщает грамматике известную перспективность и в отношении будущего.

С точки зрения марксистского языкознания синхроническая и диахроническая грамматика не только не оторваны одна от другой, но, напротив, теснейшим образом между собой связаны. Историческая грамматика лишается смысла, если она не включает в себя современного состояния языка как конечного этапа исторического развития. Теоретическая же грамматика, которая должна давать синхроническую картину грамматического строя, зачастую не может обойтись без учета его истории, так как грамматический строй современного языка является результатом длительного исторического развития. Поэтому теоретическая грамматика должна обязательно содержать элементы историзма, не превращаясь вместе с тем в историческую грамматику, которая прослеживает самый путь развития грамматического строя.

§ 18. Большое значение при построении теоретической грамматики иностранного языка, как, например, немецкой грамматики для русских, должно иметь сравнение того или иного явления иностранного языка со сходным, а иногда и с резко отличающимся явлением языка родного. Это позволяет ярче обрисовать и тоньше понять специфический характер соответствующего грамматического факта и всей системы в целом.

Известную роль для истолкования отдельных явлений может сыграть, кроме того, сравнительное изучение их на материале родственных языков. Такое рассмотрение может помочь выяснению того, какое место в системе языка занимает тот или иной факт. Так, например, будущее с *wollen* и *sollen*, употребительное главным образом в разговорном немецком языке, имеет своей